

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОНСУЛЬТИРУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА/ПСИХОТЕРАПЕВТА

Рогачева Т.В.

Рогачева Татьяна Владимировна

доктор психологических наук, заведующая отделением реабилитационной диагностики и мониторинга; государственное автономное учреждение Свердловской области «Областной центр реабилитации инвалидов», ул. Белинского, 173а, Екатеринбург, 620089, Россия. Тел.: 8 (343) 270-88-19.

E-mail: TVRog@yandex.ru

Аннотация. Раскрыты два аспекта психологической безопасности специалистов помогающих профессий: определение психологической безопасности, сложившееся в отечественной психологии и содержательные характеристики безопасности консультирующего психолога/психотерапевта. Психологическая безопасность представлена как процесс, который рассмотрен с позиции ситуативной психологии. Выделены компоненты психологической безопасности консультирующего психолога/психотерапевта: средовой, личностный, ресурсный.

Ключевые слова: психологическая безопасность; средовой, личностный, ресурсный компоненты психологической безопасности.

УДК 159.923:614.253

Библиографическая ссылка

Рогачева Т.В. Психологическая безопасность консультирующего психолога/психотерапевта // Медицинская психология в России. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 3. doi: 10.24412/2219-8245-2020-1-3

Поступила в редакцию: 25.10.2019 Прошла рецензирование: 24.12.2019 Опубликована: 24.01.2020

Постановка вопроса о психологической безопасности человека помогающих профессий требует, с нашей точки зрения, раскрытия как минимум двух аспектов: уточнения представлений о содержательных характеристиках консультирующего психолога/психотерапевта и описания состояния психологии безопасности в современной отечественной психологии. Хотелось бы подчеркнуть именно «отечественной», т.к. непростая ситуация в российской психологии относительно консультирующих психологов породила противоречие между психотерапией и консультационной психологией как основание для дискриминации психологов в психотерапии.

Как известно, проблема безопасности личности была поставлена еще в классическом психоанализе. Гуманистически ориентированные психологи также интересовались вопросами безопасности. А. Маслоу выделил потребность в безопасности как потребность «в стабильности; в зависимости; в защите; в свободе от страха, тревоги и хаоса; потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях» [17, с. 63]. Э. Фромм трактует оппозицию «опасность — безопасность» как необходимость подлинного бытия в мире. «Если я, — говорит Фромм, — это то, что я имею, и если я теряю то, что я имею, то кто же тогда я есть? Не кто иной, как поверженный, опустошенный человек — жалкое свидетельство неправильного образа жизни». И напротив, «когда человек предпочитает быть, а не иметь, он не испытывает тревоги и неуверенности, порождаемых страхом потерять то, что имеешь. Если я — это то, что я есть, а не то, что я имею, никто не в силах угрожать моей безопасности и лишит меня чувства идентичности» [21, с. 233]. Если не ждать пассивно опасностей, а начинать изучать мир и других в этом мире, то можно рассчитывать, с точки зрения Э. Фромма, на взаимность, и опасность уменьшается. Этот тезис экзистенциальной психологии: «Каждый творит себя в другом, для другого и с другим» как нельзя лучше подходит для профессиональной деятельности консультирующего психолога/психотерапевта.

Р. Мэй в известном эссе «Раненый целитель» [18] отстаивает точку зрения относительно необходимых качеств для психолога/психотерапевта, указывая на «понимание, приходящее через личное страдание и личные проблемы, которое приводит к развитию эмпатии и творческих способностей в отношениях с людьми — и к состраданию» [18, с. 92]. Отсюда вывод о качествах настоящего психотерапевта как «даре сострадания, способности сочувствовать другим, умению понимать их проблемы» [18, с. 95].

Современная отечественная психология анализирует проблему безопасности как компонент психологического сопровождения экстремальных и чрезвычайных ситуаций, а также как отрасль психологической науки, изучающую закономерности адекватного отражения опасности и конструктивной регуляции поведения с целью сохранения целостности и стабильности человека или группы людей как психологических систем. Впервые применивший данное понятие М.А. Котик еще в 1987 году, во втором издании своей книги «Психология и безопасность», предлагает данную категорию рассматривать «не как раздел психологии труда, а как некоторую отрасль психологической науки, изучающую психологический аспект безопасности в разнообразных видах деятельности» [12, с. 18]. В XXI веке И.А. Баева [4], впервые в отечественной психологии предложившая концепцию психологической безопасности, выделяет разные плоскости в данной концепции. Этот автор рассматривает психологическую безопасность:

- ✓ как процесс, т.е. психологическая безопасность есть динамическое протекание, которое создается фактически каждый раз заново;
- ✓ как состояние, которое обеспечивает базовую защищенность личности и социума;
- ✓ как свойства личности, характеризующие ее защищенность от деструктивных воздействий и внутренний ресурс противостояния (сопротивляемости) деструктивным воздействиям.

И.А. Баева, отдельно выделяя психологическую безопасность личности, указывает на перспективные задачи, которые стоят перед исследователями. Среди таких задач «определение интегративного ресурса психологических возможностей человека, обеспечивающих его безопасность, ... а также выявление возрастных, гендерных, профессиональных особенностей, влияющих на психологические аспекты безопасности человека» [5, с. 69].

Т.М. Краснянская трактует безопасность по нескольким основаниям, таким как «1) состояние безопасного бытия; 2) защита от насилия, вражеских действий; 3) что-то, защищающее или обеспечивающее безопасное состояние» [13, с. 146]. При этом подчеркивается, что «изучение параметров безопасности необходимым образом предполагает анализ соответствующего уровня отношений субъекта с внешним миром, выступающего для него как фон (первый случай), или как индикатор (второй случай), или как гарант (третий случай) должного уровня существования» [Там же]. Далее автор предлагает анализировать личную безопасность человека с позиции концепции индивидуальности, выделяя:

- ✓ индивидуальный уровень (как «достаточно общий для всех людей, выступающий в качестве резерва безопасности в ситуациях, в которых социально-ориентированные способы достижения безопасности не находят в силу каких-то обстоятельств должного применения» [13, с. 148]);
- ✓ субъектный уровень (как «возможность эффективно, с наименьшими для себя потерями реализовывать необходимые формы активности» [13, с. 149]);
- ✓ личностный уровень (как освоение общественных и групповых ценностей и присвоение норм и правил поведения, которые значимы в определенной социальной группе).

Уровневый подход к личной безопасности позволил Т.М. Краснянской определить данную категорию как «состояние, интегрирующее в себе различные уровни психологической безопасности в контексте уникального жизненного пространства» [13, с. 151], что позволяет каждому человеку иметь «адекватное воздействующим факторам и ведущим потребностям состояние защищенности и открытости, обеспечивающее, с одной стороны, физическую и психическую целостность, с другой — возможности воспроизведения и продуцирования ряда ценностей, поддерживающих процесс личностного развития» [13, с. 152]. В дальнейших работах данный автор выделяет «безопасный тип личности», позиционируя такую личность как «имеющую внутреннюю организацию, не предрасполагающую ее при реализации деятельностной или психической активности к причинению ущерба себе или окружающим» [2, с. 61].

Мы предлагаем рассматривать психологическую безопасность личности с позиций ситуативной психологии. Проблему ситуации решали практически все школы психологии: бихевиоризм, психоанализ, гуманистически ориентированная психология и пр. Данное понятие — «ситуация» — принято рассматривать в широком и в узком смысле слова. В широком смысле ситуация понимается как общая ситуация жизни человека, аналогичный смысл вкладывается в понятие «жизненное положение». В узком смысле ситуация связывается с конкретными событиями в жизни человека или экспериментальными моделями ситуаций. Нам интересен подход К. Левина, в котором вопрос о психологической безопасности личности решается, с нашей точки зрения, наиболее адекватно. Левин указывает, что в каждый отрезок времени человек пребывает во взаимодействии со множеством взаимозависимых фактов, которые названы полем [16, с. 374]. Психология, указывает Левин, должна рассматривать жизненное пространство (включающее индивида и его окружение) в качестве единого поля. Здесь необходимо соблюдать некоторые правила. Во-первых, важным является различение ситуации, как она видится всем участникам, а не только одному человеку. Во-вторых, Левин не отбрасывает из анализа ситуации физические и социологические особенности ситуации, т.к. «они ограничивают множество возможных жизненных пространств, выступая в качестве граничных условий психологического поля» [16, с. 374]. В-третьих, для адекватной характеристики психологического поля следует принимать в расчет как конкретные моменты (например, определение цели, потребности, взаимоотношения с другими людьми), так и более общие характеристики поля — например атмосферу или меру свободы индивида. К. Левин вводит понятие «канальный фактор», которое обозначает определенные детали ситуации. Такие детали, по мнению Левина, могут быть, на первый взгляд, незначительными, но при определенных обстоятельствах усиливать или сдерживать динамику ситуации.

Левин формулирует главный принцип в исследовании ситуации, заключающийся в том, что описание ситуации должно быть скорее субъективным, чем объективным, потому что ситуация описывается с позиции в первую очередь индивида, который выступает участником, нежели с позиции наблюдателя ситуации. Таким образом, поле психологической безопасности личности может быть рассмотрено в трех плоскостях:

- ✓ с позиции среды, состоящей из макросреды (как общества в целом, так и клиента) и микросреды (как профессионального сообщества);
- ✓ с позиции самого психолога/психотерапевта;
- ✓ с позиции возможностей, обеспечивающих защищенность психолога/психотерапевта (ресурсы личности, психологические средства защиты, нормативные правовые средства защиты и т.п.).

Рассмотрим социальную среду, в которой находится человек, оказывающий психотерапевтическую помощь. Известное противостояние психотерапии как только в нашей стране медицинской специальности и консультационной психологии, которой запрещено осуществление психотерапевтических воздействий на клиента, породило в России конфликтную ситуацию. Ситуация осложняется и «выяснением отношений»

между психологами и психотерапевтами. Еще в 1988 году Э. Эббот [23] выявил закономерность взаимоотношения профессий. Между профессиями идет постоянная борьба за прерогативу высказывать решающее мнение о том, как потребителю поступать в конкретной ситуации. В основе данного конфликта лежит конкуренция за власть, связанная с принятием значимых решений.

В предисловии к книге В.Н. Цапкина «Единство и многообразие психотерапевтического опыта» [22] Ф.Е. Василюк сравнивает современную ситуацию с большой московской коммуналкой: «Уставшим от склок взрослым невдомек, что все они, в сущности, добрые люди, и нет между ними непроходимой пропасти, и сколько в их изолированных комнатках общего и похожего, и даже ссоры их по-своему поэтичны, и главное, что сама трудная совместимость их жизни полна тайного смысла» [9, с. 4]. В этой же работе подчеркнут комплиментарный характер психологии и психотерапии, когда разные позиции относительно человека позволяют специалистам эффективно и результативно оказывать помощь своему пациенту или клиенту. Так сложилось в отечественной практике, что психологии было разрешено развиваться на естественно-научных основаниях, по крайней мере, в период Советского Союза, что позволяет психотерапии опереться на экспериментальные данные, подлежащие контролю. Советская психотерапия в основном развивалась в гуманистическом направлении как противоположность психиатрии, которую в пост-советский период называли карательной. Пережив т.н. «Павловский» подход, навязанный уже после смерти этого выдающегося ученого, в котором была определена тенденция к биологизации медицины и изоляции от мирового развития психотерапии, многие советские психотерапевты стремились избежать обвинений в отходе от материалистических позиций и предпочитали назначать своим пациентам фармакологическое или другое лечение, не занимаясь психотерапевтической практикой.

Психология может помочь психотерапевту разобраться в индивидуально-личностном портрете, а психотерапия как в первую очередь медицинская деятельность ориентирует психолога в клинических особенностях человека, нуждающегося в профессиональной помощи. Но до сих пор психотерапевты-медики и консультирующие психологи, т.к. психотерапевтами они не могут называться в соответствии с нормативными актами РФ, не могут найти взаимопонимание. Данная ситуация осложняет и решение вопроса о психологической безопасности личности психолога/психотерапевта, т.к. напрямую связана с фактором социальной среды, в которой и осуществляется деятельность психолога/психотерапевта.

Как социальная среда оценивает специалиста, оказывающего психотерапевтическую помощь? Обращает на себя внимание тот образ психолога, который транслируется средствами массовой информации, кинематографом и пр. Так, на экране телевизора в рамках всевозможных шоу можно наблюдать психолога и/или психотерапевта, который выполняет одну и ту же функцию — чаще всего рассказывает о различных патопсихологических проявлениях личности. Поэтому до сих пор старшее поколение путает психолога и психиатра, считая, что главной функцией психолога/психотерапевта выступает лечение психически неадекватных людей. В различных программах психологической направленности присутствует психолог/психотерапевт, который занимается раздачей советов и своеобразным обучением поведению в трудной жизненной ситуации (развод, потеря близкого человека, подготовка к сложному экзамену и пр.). Поэтому при первой встрече профессионального психолога/психотерапевта и клиента чаще всего звучит запрос именно о совете. Молодые профессионалы выслушивают от клиентов вопросы типа: «Как вы можете помочь мне с моим ребенком, если у вас нет детей?» или «Что вы можете сделать, если сами не были замужем?» и т.д.

Молодежь, общаясь через социальные сети, наблюдает психолога как своеобразного гуру, также раздающего различные советы (как выйти замуж и там остаться, как пережить расставание и т.п.). Исследования [11] относительно представлений о профессиональной деятельности психологов показали, что «простые люди оценивают

психологов гораздо выше по всем показателям, нежели лиц, не имеющих психологического образования. Респонденты считают, что психолог характеризуется только положительно, он постоянно уверен в себе, независим, склонен рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях. А также приписывают ему такие качества, как общительность, активность, считают, что психолог может справиться с любой проблемой и на любой вопрос знает ответ» [11, с. 77]. И когда психолог/психотерапевт не соответствует этим качествам (он может выглядеть уставшим, может быть неуверенным и пр.), то клиент расценивает эту ситуацию как пустую трату своих денег.

Проблема непрофессионализма психологов и психотерапевтов, неоднократно обсуждаясь на всех уровнях профессионального сообщества, породила и своеобразный негативный образ, который сформировался у достаточно большого числа людей. Так, в Минском исследовании были опрошены 25 практикующих психологов, отвечавших на вопрос: «С какими не соответствующими действительности суждениями (стереотипами) по отношению к вашей деятельности Вам приходилось сталкиваться чаще всего?». В результате оказалось, что 80% опрошенных слышали в свой адрес, что «они сами психи», 75% узнали, что «не имеют и не могут иметь никаких личностных проблем», половина «вымогает деньги и владеет техникой гипноза» [11, с. 74].

Исследование отношения студентов-психологов разных вузов к профессиональным психологам, проведенное О.Г. Ксёнда, выявило, что показатель сходства профилей «Идеальный психолог» и «Реальный психолог» для студентов психологического факультета равен 99,5% [15, с. 57]. Этот образ после использования Тезауруса личностных черт А.Г. Шмелева характеризуется такими качествами, как «интеллектуальность, развитая абстрактная логика, рациональный самоконтроль, дисциплинированность, выносливость, эмоциональный альтруизм и конформизм, умиротворенность, устойчивость, а также новаторская деловитость и заинтересованность» [Там же].

Следовательно, социальная макросреда, в которой функционирует психолог/психотерапевт, не всегда адекватна тем представлениям о профессиональной деятельности психолога/психотерапевта, которые уже сложились в западных обществах. Микросреда также не всегда лояльна, особенно к специалистам других, не своих направлений. К сожалению, до сих пор в российской профессиональной среде принято обсуждать проблему «хороших» — «плохих» практик, как будто на просторах Родины неизвестно о Страсбургской декларации, провозгласившей еще в 1990 году многообразие и равноправность всех психотерапевтических технологий. Поэтому фактор среды не способствует психологической безопасности специалиста, оказывающего психологические консультационные услуги.

Зачастую опасность для психолога/психотерапевта представляют и сами клиенты, которые, имея неосознаваемое желание найти в лице психолога/психотерапевта защитника, человека, способного решить его проблему, пример здоровой личности, с одной стороны, ждут от психолога/психотерапевта решения, а с другой — рассматривают его как непогрешимую, идеальную, абсолютно здоровую личность. Следование этим ожиданиям приведет психолога/психотерапевта к желанию продемонстрировать полную психологическую стабильность и эмоциональную невозмутимость, что затруднит понимание проблем и переживаний клиента. Ярким примером такого терапевта может быть мисс Гнусен из произведения К. Кизи «Над кукушкиным гнездом», считавшая себя абсолютно психически адекватной и профессиональной.

Р. Мэй в своем эссе «Раненый целитель», вспоминая великих психотерапевтов Г.С. Салливена, Ф. Фромм-Райхман, А. Маслоу, пишет, что «каждый из них был велик именно в самом слабом месте», подчеркивая, «что мы исцеляем других с помощью наших собственных ран» [18, с. 92]. Потому что именно личные переживания и только личные страдания приводят профессионального психолога/психотерапевта к развитию эмпатии, сострадания и творческих способностей в отношениях с людьми. Именно этот «дар сострадания, способность сочувствовать другим, умение понять их проблемы — вот

качества настоящего психотерапевта» [18, с. 95]. Когда мы совершаем достаточно рискованные путешествия с клиентом в его «психическую реальность», чтобы получить важную для консультирования информацию, то возникает большой вопрос — где бывает опаснее — в этой субъективной реальности, находящейся «внутри» клиента, или в горячих точках объективной реальности?

Выделение различных уровней в психологической безопасности личности располагает некоторых психологов к описанию различных параметров: качеств, черт и состояний, которые характеризуют данный феномен на личностном уровне. Так, Т.Д. Барышева в качестве основных характеристик безопасного типа личности указывает на «состояние адаптированности, связываемое с состоянием психоэмоциональной стабильности, значимые привязанности, переживание чувства психологической защищенности, наличие социальных умений, позволяющих сохранять известную автономию в окружающем пространстве, коммуникативную компетентность, личностную позицию» [6, с. 58]. Предлагаемые Т.Д. Барышевой компоненты психологической безопасности личности очень напоминают профессиограммы, которые были распространены в конце 70—80-х годов XX века в отечественной психологии труда. Считаем, что просто перечисление определенных характеристик не позволяет при современном пост-неклассическом подходе решить такую сложную задачу, как выделение условий для безопасности личности, особенно личности профессионала, оказывающего консультационные услуги.

В первую очередь, на наш взгляд, стоит говорить о таких ресурсных компонентах личности, как сопротивляемость и чувство защищенности. Понятно, что эти качества прямо связаны с индивидуальными (в трактовке Б.Г. Ананьева) свойствами человека. Индивид, с позиции Б.Г. Ананьева, это совокупность 3 групп первичных природных свойств: конституциональных (биохимических и общесоматических); нейродинамических и билатеральных [1, с. 65]. Таким образом, индивидуальные характеристики выступают базисными по отношению к личностным и субъектным характеристикам индивидуальности. Личностный уровень предполагает совокупность отношений человека к миру [1, с. 69], субъектный — определяет свойства индивида и личности, соответствующие предмету и средствам деятельности [1, с. 75]. В более поздней работе «О проблемах современного человекознания» [2] Б.Г. Ананьев отмечает, что имеются различные основания считать общность разных сторон личности фактом фундаментального значения, поскольку основные формы социальной деятельности человека, в которых формируются и реализуются его отношения, имеют общие эффекты, производимые их конвергенцией. К этим эффектам, несомненно, относятся и различные потенциальные свойства личности: защищенность, жизнеспособность, работоспособность, одаренность, безопасность и т.д.

Еще в 1969 году Валтон описал синдром обслуживающих профессий, смысл которого в том, что «специалист навязчиво дает другим то, что он хотел бы иметь сам, что... приводит к выраженному нарушению эмоционального баланса» [26, с. 215]. Другими словами, плохо обученный специалист воспринимает запрос клиента как требование и пытается всеми доступными ему способами удовлетворить этот запрос. Зачастую такой специалист оказывается в ситуации незащищенности, в первую очередь, от себя самого, т.к. выбор профессиональной деятельности был осуществлен как специфический способ защиты от собственных тревог и опасений. Отсюда требование постоянной личной терапии как средства, позволяющего осознавать собственные ограничения и зоны ближайшего профессионального развития.

Поэтому Энид Балинт указывала, что «психотерапия становится ремеслом, выможенным добрыми намерениями, если ее не поднимают на профессиональный уровень соответствующие качества личности психотерапевта» [24, с. 18]. К таким качествам относятся в первую очередь базовые навыки, которые включают «способность фокусироваться на своем состоянии, наблюдать происходящее в терапии, видеть реакции клиента, слышать не только содержание его речи, но и особенности того, как он говорит, запоминать и воспроизводить при необходимости важные

фрагменты терапевтической сессии и многое другое» [8, с. 206]. Формирование вышеперечисленных навыков достигается не с помощью присвоения знаний, а в процессе индивидуальной и групповой терапии будущих психотерапевтов/консультирующих психологов, а в профессиональной деятельности — еще и с помощью супервизии. Примерно о таких же качествах говорят и другие школы психотерапии.

Стоит обратить внимание на такой аспект стремления к безопасности, о котором говорит А. Маслоу, указывая на «общераспространенное предпочтение знакомых вещей незнакомым» [17, с. 64]. В консультационной работе этот аспект серьезно осложняет деятельность психолога/психотерапевта, т.к., используя определенный способ в решении задачи, специалист зачастую начинает применять его постоянно, не осознавая рамок применения и использования этого способа на разных клиентах.

Интересна трактовка Т.М. Краснянской и В.Г. Тыльцом вслед за А. Маслоу и Р. Мзем необходимости «допущения периодических отказов от преимуществ безопасности, т.к. только в этих условиях появляются возможности для личностного роста и развития» [14, с. 60]. Авторы обращают внимание на «признание способности человека к преодолению потребности в безопасности в субъективно трудных ситуациях, требующих нравственного выбора... Крайними полюсами подобного отказа могут рассматриваться суицидальный поступок и альтруистическое поведение» [Там же].

Здесь достаточно остро встает вопрос о правовой защищенности психолога/психотерапевта. Не будем сетовать на так и не принятый закон «О психотерапевтической помощи» и на тот факт, что Этический кодекс психолога был принят в нашей стране только в XXI веке. К сожалению, наша безопасность пока никак не гарантирована на уровне законодательства Российской Федерации.

Задумавшись о личностных правилах и нормах, транслируемых современными психологами /психотерапевтами, т.е. о мировоззрении. Понятие «мировоззрение» как способ «практически-духовного» освоения мира предполагает, что у человека есть потребность найти определенные ориентиры и опоры для своей профессиональной деятельности. Основные варианты мировоззрений давно выделены в научном дискурсе. К ним относятся: мифологическое, религиозное, философское, эзотерическое и научное мировоззрения, и каждый тип предполагает наличие конкретной целостной картины мира и, соответственно, ценностных установок по отношению к этому миру. Однако можно наблюдать, как, казалось бы, несовместимые картины мира, диалектически переплетаясь, формируют новые формы представлений. Например, позиция научного мировоззрения четко отражена в атеистическом взгляде на мир. Но еще Ж.П. Сартр писал: «Экзистенциалисты ... обеспокоены отсутствием бога, т.к. вместе с богом исчезает всякая возможность найти какие-либо ценности в умопостижимом мире. Не может быть больше блага a priori, так как нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил. И нигде не записано, что благо существует, что нужно быть честным, что нельзя лгать; это именно потому, что мы находимся на равнине, и на этой равнине живут одни люди» [20, с. 341].

Сама современная психология в настоящее время существует одновременно в разных методологических парадигмах, что, с одной стороны, существенно затрудняет определенность в выборе предмета, методов, технологий и способов решения стоящих перед ней проблем, а с другой — предоставляет психологу широкие возможности для решения поставленных задач. Например, применение различных духовных практик может быть объяснено с совершенно разных позиций. Религиозный человек совершенно искренне говорит о переживании экстатических чувств погруженности в Дух и Божественную благодать. А исследователи, предлагающие новый подход к изучению религиозного опыта — нейротеологию — и стоящие на научно-биохевиористских позициях, фиксируют с помощью сверхточной аппаратуры область затемнения в определенной части головного мозга. Подобные затемнения наблюдаются и у больных эпилепсией. Например, по результатам исследований В.С. Рамачандрана [25, с. 313] из Калифорнийского университета, существует связь между нарушениями в височном

отделе и внезапным интересом к религии у больных эпилепсией. Так, его пациенты рассказывали о сильном чувстве внезапного посвящения, возникающего во время припадка, они утверждали, что «видели Бога». Данные выводы представляют серьезный интерес для психолога, имеющего научно-рациональное мировоззрение, и неприемлемы или являются спорными для психолога, выбравшего религиозные или эзотерические основания своей деятельности. Вряд ли второй психолог согласится, что все его и его клиентов духовные переживания, чувство единения с Сущностью можно свести только к особой связи нейронов головного мозга. Таким образом, можно сделать вывод о том, что событие, ситуация, выступающая в одном мировоззрении как факт, будет отвергаться другим мировоззрением. Об этом писал еще Витгенштейн: «Когда мы начинаем чему-то верить, то верим мы не единичному предложению, но целой системе предложений... наше знание образует большую систему. И только в этой системе единичное имеет ту значимость, которую мы ей приписываем» [10, с. 307].

Представители экзистенциальной психологии определяют систему ценностно-мировоззренческих предпосылок взаимоотношений психолога и клиента через трансформацию понимания и/или осознания клиентом процесса своей жизни, ее противоречий, поиска и осуществления реальных жизненных возможностей. Поэтому и кризис есть «полный опасностей шанс», когда у человека появляется возможность переосмыслить свою жизнь, поменять отношение к чему-то значимому.

Понимание наличия разных ценностно-мировоззренческих ориентаций ставит непростой вопрос о возможности психоконсультационной работы психолога-атеиста с верующим человеком. Любая трансцендентная Сущность (Христос, Аллах, Кришна) выступает для такого клиента высшим и абсолютным основанием решения любого вопроса. Религиозный психолог вряд ли позволит своему клиенту рассматривать себя как центр мира, т.к. личность в религиозном мировоззрении есть часть целого, всеобщего и не может принадлежать себе. Самореализация, самоактуализация — есть грех по отношению к Богу, в какой бы форме он ни был представлен. Главная ценность здесь — развитие души, любовь к Богу и ближним, повиновение заповедям своей религии. Понятно, что именно подобные взгляды служат ценностно-мировоззренческим основанием для психотерапевтической работы с верующими людьми. Психолог, стоящий на других мировоззренческих основаниях, вряд ли сможет осознать глубину такой позиции. А если перед ним сформулирован запрос о детской травме, о проблемах сексуального плана, как он будет работать с этой проблемой в психоанализе, например?

Эзотерические практики работают с Человеком, который есть тайна, а не элемент любой, самой лучшей системы. Психолог, ориентированный на данное видение мира и человека в нем рассматривает психокоррекцию как внутренний, то есть духовно-психологический путь Познания мистических законов Вселенной. Работа в любой эзотерической школе всегда начинается с коренного пересмотра своей прежней жизни и осознания важнейших этических принципов. Без глубокой проработки этих этапов ученика никогда не допускают к дальнейшей работе. Если это правило не соблюдается, на следующих этапах работы может расстроиться здоровье ученика и пострадать психика, либо последующая работа приводит к возвращению эгоистических черт характера. Понятно, что эзотерическим мировоззрением, в силу трудности расширения персонального Сознания, способны овладеть лишь немногие зрелые и одаренные индивидуумы. Психотерапевтический эффект — личностный рост. Задача — самоисследование и самосовершенствование вне социального контекста. На высших уровнях познания у практикующих появляются необычные возможности. Можно воспринимать информацию сверхчувственным образом и экстраординарно воздействовать на окружающую действительность и людей. Здесь кроется опасность соблазна использовать эту скрытую власть в эгоистических или утилитарных целях.

Если рассматривать мировоззренческие основания профессиональной деятельности психолога, несомненно, здесь можно обнаружить смесь научных, мифических и религиозных и прочих позиций. То есть мировоззренческие основания деятельности находятся в противоречии друг с другом, ведут между собой, по образному выражению

Дильтея, «борьбу за власть над душой», что зачастую не отслеживается самим носителем этого мировоззрения. Объективными основаниями такой ситуации выступают стирание границ, размывание социальных структур с четко обозначенными рамками, что подрывает фундаментальные основания и ценности культуры. Всеобщая маргинализация приводит как к разрушению существовавших долгие годы стандартов профессиональной деятельности, так и к появлению новых смыслов, приемов, правил в профессии. Столкновение и смещение алгоритмов и стереотипов Своего и Иного приводят к формированию и обновлению объективных ценностей, что не может не привести к появлению новых субъективных ценностей. Ведь главный вопрос мировоззрения — каково отношение человека с миром и в каком отношении находится мир к человеку — может быть решен только через субъективные ценности, т.е. можно сказать, что ценность есть ориентир человека. Понятно, что ценности могут быть неосознанными. Именно осознание мировоззренческой направленности позволяет психологу выбрать свой путь в профессии, задает критерии оценок, способов и предпочтений в деятельности, помогает «отдавать себе отчет в своем отношении к миру, к другим людям, подчинять свою жизнь обязанностям, нести ответственность за все содеянное и все упущенное» [19, с. 266], что позволяет ему быть защищенным в профессии. Не потому ли современная психология слишком часто запутывает и калечит, формируя людей эгоцентричных, лишенных осознанных нравственных опор и ориентации, что для многих профессионалов сама постановка вопроса о личностной рефлексии, определении своих ценностей и предельных целей кажется неважной, «внеаучной» [7, с. 189]. Кажется, что самое главное в любой профессиональной деятельности — как живет человек в том мире, который был создан в результате теоретических построений. Понимает ли сам человек, кто, зачем и для чего сконструировал данный мир? Вспомним Аристотеля: «Мы проводим исследование не за тем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой науки не было бы никакого проку» [3, с. 402]. Отсюда — принципиально иные основания подготовки и самой профессиональной деятельности психолога, т.к. именно проблемы ценностно-мировоззренческих оснований деятельности, моральных ориентиров выходят на передний план решения вопроса о безопасности.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – 380 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2010. – 288 с.
3. Аристотель. Этика. – М.: АСТ., 2002. – 492 с.
4. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. – СПб.: Союз, 2002. – 271 с.
5. Баева И.А. Психология безопасности: история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2). – С. 65–69.
6. Барышева Т.Д. К проблеме развития ценностно-смысловых установок психологически безопасного поведения педагогов // Ученые записки МГПУ. Психологические науки: сб. науч. ст. / под ред. И.А. Синкевич, А.А. Сергеевой. – Мурманск: Мурман. гос. пед. университет, 2008. – Вып. 8. – С. 58–64.
7. Братусь Б.С., Воейков В.Л., Воробьев С.Л. Начала христианской психологии: учеб. пособ. для вузов. – М.: Наука, 1995. – 236 с.
8. Булюбаш И.Д., Пугач Н.В. Руководство по обучению гештальт-терапевтов. – Самара: Бахрах-М, 2016. – 416 с.
9. Василюк Ф.Е. Предисловие // Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта. – М.: Моск. гор. психол.-пед. университет, 2004. – С. 4–5.
10. Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. – М.: Гнозис, 1996. – Ч. II. – 520 с.

11. Кавецкий И.Т., Беляев С.А., Коверзнева И.А. Стереотипы в представлениях о профессиональной деятельности психологов // Инновационные образовательные технологии. – 2011. – № 4 (28). – С. 72–78.
12. Котик М.А. Психология и безопасность. – 3-е изд., испр. и доп. – Таллинн: Валгус, 1989. – 448 с.
13. Краснянская Т.М. Личная безопасность человека в проблемном поле психологии безопасности // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2005. – № 40. – С. 145–153.
14. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований // GESJ: Education Science and Psychology. – 2013. – № 1 (23). – С. 59–64.
15. Ксёнда О.Г. Образ психолога в представлении студентов-психологов // Психологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 55–59.
16. Левин К. Поведение и развитие ребенка как функция от ситуации в целом // Динамическая психология: избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – С. 372–424.
17. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
18. Мэй Р. Раненый целитель // Московский психотерапевтический журнал. – 1997. – Т. 5, № 2. – С. 90–95.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 508 с.
20. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Полит-издат, 1989. – С. 319–344.
21. Фромм Э. Иметь или быть / пер. с англ. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.
22. Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта. – М.: Моск. гор. психол.-пед. университет, 2004. – 199 с.
23. Abbott A. The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. – Chicago: Chicago University Press, 1988. – 452 p.
24. Balint E. The doctor – patient relationship in the 1980s // Journal of the Balint Society. – 1981. – № 9. – P. 12–19.
25. Oberman L.M., Ramachandran V.S. The simulating social mind the role of the mirror neuron system and simulation in the social and communicative spectrum disorders // Psychological Bulletin. – 2007. – Vol. 133, № 2. – P. 310–327.
26. Walton H.J. Personality correlates of career interest in psychiatry // The British Journal of Psychiatry. – 1969. – Vol. 115, № 159. – P. 211–219.

Psychological safety of a consulting psychologist/psychotherapist

Rogacheva T.V.¹
E-mail: TVRog@yandex.ru

¹ State Autonomous Institution of the Sverdlovsk Region
"Regional Center for the Rehabilitation of the Disabled"
Belinsky str., 173a, Yekaterinburg, 620089, Russia
Phone: +7 (343) 270-88-19

Abstract. Revealed two aspects of psychological security of specialists helping professions: definition of psychological safety established in the national psychology and characteristics of security a counselling psychologist/psychotherapist. Psychological safety is represented as a process, which is considered from the perspective of situational psychology. The components of psychological safety of a counselling psychologist/ psychotherapist: environmental, personal, resource.

Key words: psychological safety; environmental; personal; resource components of psychological security.

For citation

Rogacheva T.V. Psychological safety of a consulting psychologist/psychotherapist. *Med. psihol. Ross.*, 2020, vol. 12, no. 1, p. 3. doi: 10.24412/2219-8245-2020-1-3 [in Russian, abstract in English].